
МУРЗИЛКА
№ 10
Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов
ОКТЯБРЬ
1956
Е.Р.
1
Государствен.
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА
С.С.С.Р.
имени
В.И. ЛЕНИНА

Впиши буквы в пустые клетки этой лестницы так, чтобы первое слово с буквы «К» начиналось и буквой «Ш» кончалось, а второе — с буквы «Ш» начиналось, буквой «А» кончалось, и т. д.

КТО НАПИСАЛ ЭТИ СТИХИ?

В синем небе звёзды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идёт,
Бочка по морю плывёт.

Угадай, что нарисовано в синих кружках. Из первых букв каждого названия составь слово.

Какое это слово?

КРОССВОРД

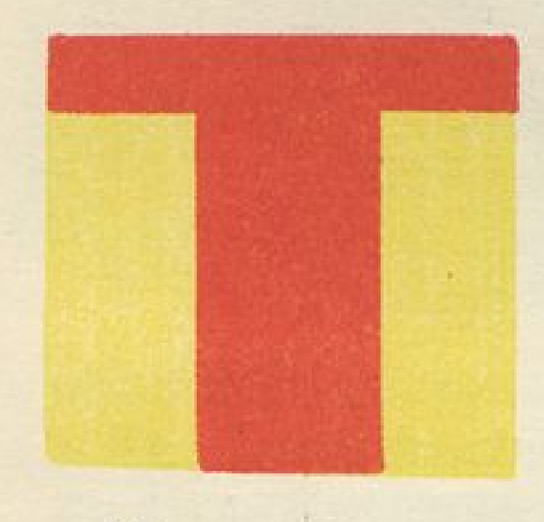
Сначала в нижнем ряду клеток напиши, как называется это животное. А теперь догадайся, какими буквами надо заполнить остальные клетки.

Пиши сверху вниз: 1. Хищный зверь. 2. Хищная птица. 3. Розовая птица (живёт на юге). 4. Домашнее животное.

Вот так история!

В. МИЛЮНАС

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

олько родители не понимают, что в хорошую погоду учиться трудно. Солнышко греет, птицы заливаются. По всем уголкам и закоулкам шумят ребята.

Ну как в такое время думать об уроках?

Юозялис играет с приятелями на пригорке. Он совсем недавно вышел на улицу, но мать уже зовёт:

— Юозя-а-алис! Домой иди!

Опять эти уроки! Из-за них нельзя даже поиграть на вольном воздухе!

Доставая книжки из сумки, Юозялис ворчит:

— Учись и учись. Больше они ничего не знают...

— Буду шофёром! — вдруг решительно говорит он матери. — Шофёру нужно ездить, а не арифметику учить.

— Всякий шофёр школу кончает, — смеясь, отвечает мать.

— Тогда не буду шофёром! Мама, а кем можно стать, если не учиться?

— Ослом длинноухим! — сердито говорит мать и идёт на кухню готовить ужин.

...На другой день на улице Маргитес закипела работа. С грохотом подкатывает экскаватор. Съезжаются вереницы грузовиков. Огромный железный ковш экскаватора вгрызается в землю, а грузовые машины спешат вывозить её.

Будущей осенью здесь будет новая школа для детей Заречья.

Сегодня все ребята с улицы Маргитес сидят на пригорке и смотрят, как работает экскаватор. Экскаватор гремит, ворочается, выворачивает землю — прямо дым столбом! А внутри сидит молодой экскаваторщик, и эта огромная машина слушается его, будто маленькая игрушка.

Юозялис глядит во все глаза на экскаватор. Даже рот разинул... Вот если бы экскаваторщик позволил ему посидеть в экскаваторе! Позволил бы потрогать эти железные рычаги! Но пришла мама и зовёт Юозялиса готовить уроки.

По дороге Юозялис ворчит:

— Вырасту — буду экскаваторщиком.

— Пожалуйста, — соглашается мать.

— Экскаваторщику только работать надо. Землю грузить на машины. Уроков ему готовить не надо.

— Нет, надо, — не соглашается мать.

— А что ему нужно? Может — чистописание? — не уступает Юозялис. — Ему только про свой экскаватор нужно знать!

— Не только про экскаватор.

— А ты откуда знаешь?

— Значит знаю, если говорю.

— Вянцкутис Бронюс лучше тебя знает. Он — восьмиклассник. Он говорил, что экскаваторщику только про свою машину знать надо, — не сдаётся сын.

— Этот твой Бронюс такой же «умник», как и ты.

За обедом отец, лукаво улыбаясь, спросил Юозялиса:

— Сынок, ты хочешь познакомиться с экскаваторщиком, который работает на нашей улице?

— Ой, как хочу! — У Юозялиса от радости глаза загорелись.

...Ночью ему снится экскаватор. На другое утро и даже перед обедом в школе Юозялис думает только об экскаваторщике.

А вечером! Юозялис глазам своим не поверил, когда экскаваторщик протянул ему руку.

— Будем знакомы, — сказал он.

— Да знакомься же, — смеётся отец. — Хотел познакомиться, а теперь струсил.

Юозялис не струсил. Только вот нашла на него какая-то робость.

— Садись, Антанас, — приглашает отец гостя к столу. — Потолкуем, чаю напьёмся.

Нет на свете человека симпатичнее этого экскаваторщика! Он всё время улыбается. Берёт тетрадь Юозялиса по арифметике, которая лежит тут же, перелистывает:

— Хорошо учишься?

Юозялис молчит.

— Ты что, говорить разучился? — спрашивает мать.

— В каком классе? — снова спрашивает экскаваторщик.

— Во втором, — кое-как выговаривает Юозялис.

— В Зареченской школе?

— Да.

— Во втором классе? На втором этаже, в конце коридора? — расспрашивает Юозялиса гость.

— Да, — смелее отвечает Юозялис.

— За какой партой сидишь?

— С краю третья. Возле окна, — уже смело говорит Юозялис.

— Так, а где же ты точишь свой складной ножик?

— У Вянцкутисов под навесом точило... — произносит Юозялис и вдруг прикусывает язык. Откуда экскаваторщик разузнал про его ножик?

— Так, приятель, ты уже постарался — на крышке парты вырезал букву «Б»? Такая большая — ладонью не прикроешь! За твое «Б» мне влетело.

— Как это? — удивляется отец.

— А так, что я Балюка, а твой сын — Баненис. Учитель на меня и насел: дескать, я на парте вырезал первую букву своей фамилии. — И с улыбкой добавляет: — Вот, значит, я с каким вырезальщиком на одной парте сижу!

— Как на одной? — теперь уже удивляется мама.

— А я по вечерам занимаюсь. В школе для взрослых. В том же помещении, где и ваш Юозялис; только у них там второй класс, а у нас — десятый...

— А Юозялис думал, что экскаваторщику не надо учиться, — заметила мать.

Юозялису говорить нечего.

Перевёл с литовского И. Капланас

ПОДУШКА

З. ТЕЛЕСИН

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

Зимой ночами длинными,
Когда ложимся спать,
Над перьями гусиными
Сидит часами мать.
Она проворно щиплет их,
Облокотясь на стол,
И пригоршнями сыплет их,
И сыплет их в подол.
Подушек нужно много ей
Для семерых ребят.
И добрые, и строгие
Глаза её блестят.
Лежу, гляжу на маму я,
Дыханье затая.
Единственная, самая
Хорошая моя!
Братишками, сестрицами
Я, как никто, богат.
И почему не спится мне,
Когда они все спят?
Охота им ворочаться,
Посапывать во сне.
А мне—мне спать не хочется.
Сон не идёт ко мне.
В подушку зарываюсь я
Курчавой головой...
Вот сплю... И просыпаюсь я
На тропке луговой.
Не одеяло синее,
А небо и луга.
Иду я с хворостиною,
А гуси—га-га-га.
Шумит, качаясь, таволга
Зелёною листвой.
Зашелестела наволока
Вдруг под головой...
Зашевелились острые
Подушки уголки,
И развязались пёстрые
Тесёмок узелки.
Оттуда гуси белые
Поплыли надо мной,
Над братьями, сестрицами,
Над мамой светлолицею,
Над лампою ночной...

Зимой ночами длинными,
Когда ложимся спать,
Над перьями гусиными
Сидит подолгу мать.

Конка

Я. ТАЙЦ

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Когда я был маленький, я очень любил конку. Это был небольшой вагончик. Он катился по рельсам. Его везла пара тощих лошадей. На передней площадке стоял кучер в брезентовом балахоне, усатый, с багровым, обветренным лицом. В руках у него были приборы для вождения конки: вожжи, кнут и рукоятка тормоза. На задней площадке стоял кондуктор с сумкой через плечо и со свистком во рту. Как только он свистнет, кучер взмахнёт кнутом, крикнет:

— Но, дочки-сыночки! — и конка покатится до следующей остановки. А там снова «тпрруууу!», снова свисток и снова: — Но, дочки-сыночки!..

Моей заветной мечтой было стать коночным кучером. Но я даже и думать об этом боялся. Мне не верилось, что я когда-нибудь буду стоять с кнутом и вожжами в руках, покрикивать на лошадей и, главное, ударять ногой по звонку.

Я забыл вам сказать, что на площадке конки в пол была вделана замечательная вещь — кнопка от звонка. Ударишь носком по кнопке, и сразу — «Динь!» Еще ударишь, и снова: «Динь! Динь-динь, берегись, конка идёт!» Из-за этого одного стоило стать кучером.

Дома я как маленький без конца играл в конку. Я сдвигал стулья в один ряд, усаживал папу, маму, братишку, кота и покрикивал:

— Ваш билет! Папа, возьми билет! Мама, почему сошла на ходу? Динь, динь! Поехали!

В глубине души я понимал, что ни кучером, ни даже кондуктором мне стать нельзя. Но вот, например, «пристяжным хлопцем» я вполне мог бы стать. Он немногим старше меня. Он стоял с третьей, пристяжной, лошадью на Большой Московской улице перед крутым подъёмом к Николаевской площади. Как только конка приближалась к подъёму, он накидывал кольцо постромок на специальный крюк, а сам вскакивал на подножку. Наверху, на Николаевской, он на ходу снимал кольцо и вёл лошадь вниз, встречать следующую конку.

Я часами приглядывался к его работе. А я разве не мог бы вот так же накидывать кольцо и вскакивать на подножку? Отлично мог бы!

Однажды я не выдержал, взял дома огромный харьковский корж (такие, кажется, выпекались только в Харькове), спрятал его, ещё горячий, за пазуху и отправился на Большую Московскую.

«Пристяжной хлопец» был на своём посту — босой, с большущим соломенным брилем на голове. Рядом стояла понурая чалая лошадёнка.

Я осторожно спросил:

— Как тебя зовут?

Он из-под бриля посмотрел на меня и провёл пальцем под носом:

— А тебе на кой?

— Ну просто так... Жалко, что ли, сказать?

— Ну, Гнашка, — сказал он, почёсывая одной ногой другую.

— Ну просто так... причеплюсь, и все... Давай, а? — И я поднёс свой ароматный подарок к самому носу Гнашки.

Но тут послышался звон идущей снизу конки.

— Погоди трошки. Стой здесь! — крикнул Гнашка. Он разогнал своего

— Гнашка? А меня Яшка, — в тон ему ответил я.

Он благосклонно улыбнулся. Это меня подбодрило.

— Слышь, Гнашка, — сказал я, — дал бы мне попробовать, а?

— А чего это... попробовать? — недоверчиво спросил он.

— Ну, вот это, — я показал на лошадь, — один разочек, а? А я тебе за

конягу, разбежался, накинул кольцо, вскочил на подножку и поехал вверх. Вот конка поднялась, Гнашка отцепился и вернулся ко мне.

— Ну, — сказал я нетерпеливо, — даёшь, что ли?

Гнашка протянул руку, помял корж.

— А сможешь?

— Смогу!

— А если кучер заругается?

это, видишь, во! — И я достал из-за пазухи корж.

Гнашка посмотрел на корж, потом на лошадь, потом снова на корж. Корж ему понравился — это было сразу видно.

— А на кой? — снова спросил он, не сводя глаз с коржа.

— Не заругается, чудак. Я ж твой бриль надену!

— Ага! — Это Гнашке понравилось. — Ну ладно, давай. Только, чур, один раз, и гляди там, поаккуратней.

— Да что, я не знаю, что ли!

Я дал ему корж и схватил, наконец, желанные вожжи и постромки. Потом

я сухим от волнения голосом спросил:

— А бриль?

— Бриль? Ну, на бриль, на!

Он нахлобучил на меня свой бриль, словно прикрыл меня зонтиком. Я загнул соломенные поля, чтобы видеть конку.

лосом. — Давай! — и снова накинул кольцо. Ага, попал! Я обрадовался и скок на подножку, точь-в-точь как Гнашка. Кучер хлестнул по моей пристяжной и сказал:

— Да я же тебе говорил, что она ленивая. Но, Хивря!

Он, видно, принял меня за Гнашку

— Ты, главное дело, на крюк гляди, на крюк, — сказал Гнашка и вцепился зубами в корж.

— Знаю...

Я приготовился. Наконец из-за угла показалась конка. Кучер хлещет по лошадям, кричит:

— Эй вы, тигры, звери!.. Но! Ну-у!.. Но!..

Он старается взять разбег перед крутым подъёмом. Лошади всё ближе. Слышу, как они храпят, фыркают. Вот и крюк.

Я закричал:

— А ну, гоп, тигра, пошла!

И накинул кольцо на крюк. Увы, я промахнулся. Крюк уходит куда-то от меня.

— Стой! — закричал я не своим го-

Я был счастлив. Моя Хивря натягивала постромки не хуже коренников и бойко махала редким хвостом. Я стоял на подножке, впереди всех, и мне было очень хорошо.

Вот и площадь, вот и конец подъёму.

— Ну, бывай, — сказал кучер.

Я кивнул ему головой, соскочил с подножки, на ходу снял кольцо, и конка с пассажирами, с полотняными фестончиками проплыла мимо меня. А мы с Хиврей отправились вниз, к Гнашке. Внизу, на обычном месте, его не было. Я обрадовался: значит, я смогу встретить ещё одну конку. Вот она подошла. Я снова накинул кольцо и поехал вверх. Там я снова соскочил, отцепился и погнал Хиврю вниз.

Гнашки на посту не было. Я стал ждать третьей конки. Скоро она пришла. Всё совершилось в третий раз. А Гнашки всё нет и нет.

Куда же он запропастился? Я не знал, как быть. Мне вдруг захотелось домой. Руки у меня заболели оттого, что я с силой натягивал постромки.

Ноги заболели оттого, что я без конца вскакивал на подножку и соскакивал. Голове было неловко от колючего бриля.

Где же Гнашка? Не оставлять же Хиврю одну посреди мостовой. Я стал звать:

— Гнашка-а-а!..

Прохожие стали оглядываться. Тут снова подошла конка. Мы с Хиврей помогли ей подняться на горку. Так нам пришлось проводить добрый десяток конок, пока, наконец, Гнашка не соизволил вернуться на свой пост.

— Где же ты пропадал?—накинулся я на него.—На! Держи!—И я с облегчением вручил ему Хиврины постромки и вожжи.

— Да тут у меня мамка хворая,— сказал он,—одна лежит. Ну, я ей твоего коржа снёс. Вкусный!—Он вздохнул.—Ну, накатался?

— Ага,—ответил я, разминая пальцы.

— Завтра, хочешь, ещё приходи!

— Ладно.

— Только смотри: корж не забудь.

— Да ладно...

Он хотел что-то ещё сказать, но тут подошла конка. Гнашка накинул кольцо, вскочил на подножку и на ходу крикнул:

— Бриль давай, бриль!

Я догнал его, отдал ему бриль и отправился домой.

Больше я к нему не приходил. «Пристяжным хлопцем» быть мне расхотелось. Вот кучером или кондуктором— это другой разговор.

МЕДВЕЖИЙ БОРЩ

Н. СЛАДКОВ *Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА*

Самое неприятное при работе в горах — облака, туман. Нахлынут облака, затопят ущелья, выползут на хребты и закроют всё: вниз до земли, вверх до неба. Кажется, что весь мир утонул в глухом тумане: ни шума потоков, ни света солнца. Где право, где лево? Где север, где юг?

Сидишь в палатке и ждёшь погоды. Вниз, на базу, спускаться не хочется: вдруг прояснит! Да и спускаться да подниматься непросто: на иную гору два дня на четвереньках лезешь.

Вот так и вышло у нас однажды. На день работы осталось, — нахлынул туман. День просидели — кончили консервы. На второй день — крупу. На третий день доели сухари. Остались у нас соль, перец да лавровый лист.

А туман дразнит: поредел, но не поднимается.

Ждать больше невтерпёж — так есть хочется. И вниз спускаться обидно: вот-вот туман разойдётся!

— Бери ружье, — говорю я товарищу. — Поброди по склонам, — может, подобьёшь что?

Товарищ ушёл, а я залез в палатку и попытался заснуть. Желудок хотел обмануть: говорят, «кто спит, тот обедает». Но желудок в горах на чистом воздухе на обман не идёт!

До полудня ворочался я с боку на бок. Потом встал, петь начал. «Может, — думаю, — про еду забуду».

Забудешь тут! Не ладится песня. Вместо песни голодное ворчание выходит.

А туман всё реже, всё выше. Уже вверху, в серой мгле синие и жёлтые пятна проступили: значит, скоро откроется небо и солнце.

Вот чуть видные хребты стали надвигаться со всех сторон: так всегда кажется, когда расходится туман.

Вот и все горы видны, — чистые, будто вымытые. И опять стал слышен шум потоков, и засияло солнце. Работать можно, а товарища всё нет!

И есть так хочется, что стал я посматривать на сыромятные ремни от вьючного седла: а что, если попробовать заварить их с лавровым листом да с солью?

На счастье, вижу — идёт товарищ. За спиной рюкзак раздулся: значит, добыл что-то. Он ещё далеко, а я кричу, выпытываю:

— Сколько патронов выстрелил?

Отвечает:

— Ни одного.

Опустились у меня руки.

— Так что ж ты, — говорю, — мешок-то травой набил, что ли?

— Ну да, травой, — отвечает.

— Ага, — говорю, — очень хорошо! До-

бавь тогда к своей траве ремешки от седла — объеденье будет.

— И будет, — спокойно отвечает товарищ. — Даже и без ремешков.

Плюнул я и пошёл к ручью: хоть воды напьюсь, лоб помочу.

Одно остаётся: скорей коней навьючить — и вниз на базу. Экая досада! И тумана нет, а спускаться придётся.

Поднимаюсь я к палатке и вижу: товарищ раздул огонь, поставил на костёр котёл с водой, а сам режет и чистит какие-то корни и стебли: у него их полный мешок.

— Это ты что затеял? — спрашиваю я осторожно.

— Борщ варю, — отвечает.

— Какой борщ?

— Медвежий.

— Ты не шути, — тихо говорю я ему. — Я голодный!

— Тогда не кипятись, а мне помогай. Пока почистим, я тебе кое-что расскажу.

Я подсел помогать, а он мне рассказал вот что.

Утром в полукилометре от палатки товарищ наткнулся на след старого медведя. След был такой свежий, что на мокрой траве висели ещё капельки грязи. Товарищ вложил в стволы пули и пошёл по примятой траве.

Медведь шёл по скату, переворачивал камни, раскапывал мышиные норы и гнёзда земляных ос.

Долго лазил товарищ по скату в тумане, распутывая медвежий след. Из сил выбился.

Сел на камень, сорвал лопушок мягкий, как байковый, вытер лопушком пот и бросил. И вдруг видит, что рядом с его лопушком ещё сорванные лопушки валяются и измочаленные стебли-огрызки. А на огрызках и слюна зелёная ещё не высохла. Медведь лакомился!

Совсем близко медведь, а товарищу не до него: так есть захотел. Сломал он такой же стебель, что медведь жевал, попробовал — ничего, даже огурчиком пахнет.

«Шут с ним, — думает, — с медведем! Где его в тумане найдёшь? Переключусь-ка я на медвежий корм, вон медведь какой с него здоровый: след шапкой не закроешь!»

Так и сделал. Найдёт огрызок, присмотрится, с какого растения, — сорвёт, попробует — ничего, кисленький! — и в мешок. В одном месте корни какие-то раскопал медведь, — товарищ и корней набрал. Медведь-то старый, всё в лесу знает, — всякую траву съедобную, каждый корешок. Товарищ целый мешок кореньями, щавелем да стеблями набил.

— Сейчас такой борщ закатим медвежий! — закончил товарищ и засыпал зелень в кипяток.

Борщ и действительно вышел недурной. Заправили мы его солью, листом лавровым, перчиком и ещё три тетеревиных яйца разбили. Медведь разорил на склоне тетёркино гнездо, а три яйца вниз скатились, он их не заметил, — товарищ и подобрал.

Наелись мы медвежьего борща и силу почувствовали. Хоть и не медвежью силу, но достаточную для того, чтобы успеть до вечера подняться на вершину и сделать последние наблюдения.

Рис. В. БИБИКОВА

ЗДРАВСТВУЙ,

Покажите эту картину товарищам и спросите:

— Что здесь нарисовано?

Почти каждый, увидев лазурное небо, синее море и пионеров с альпенштоками в руках, скажет:

— Это Артек!

Скажет — и ошибётся. Артек в Крыму, на юге, а здесь Дальний Восток. Похожие на артековскую Медведь-гору холмы — дальневосточные сопки. Вместо Чёрного моря здесь Тихий океан. Только небо здесь то же, что и над Артеком, — высокое, просторное небо нашей Родины.

Недавно сюда приехал отряд московских пионеров. Они ехали много дней и ночей. Потом поезд остановился. Дальше ехать некуда. Дальше — океан. Приехали! Здравствуй, Дальний Восток! Да не такой уж ты дальний! Если ехать на поезде, ты дальний! А на самолёте можно за сутки долететь. Нынче в Москве, завтра на Дальнем. Придётся тебя, пожалуй, скоро называть «бывший Дальний».

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК!

Ребята внимательно изучали новые места. Здесь хорошо! Здесь тепло, здесь чудесный мягкий климат.

В земле здесь хранятся замечательные вещи: золото, платина, медь, олово, уголь, нефть.

В горах водятся разные звери: пятнистые олени, волки, медведи, лисы, бурундуки. Даже тигры попадаются.

В воде тьма-тьмущая рыбы. Косяками плавает жирная дальневосточная сельдь, лососи, треска. Иногда и кита увидишь. А о крабах и говорить нечего. Их здесь, что раков в подмосковной речушке.

Богатый край! Недаром здесь построены отличные гавани. Сюда приходит много пароходов. Они привозят станки, машины, а увозят меха, рыбу, руду, золото.

Пионеры навсегда запомнят свою поездку на Дальний. А многие из них, когда вырастут, вернутся сюда и будут здесь жить и работать, чтобы ещё краше, ещё богаче стал наш не такой уж дальний Дальний Восток!..

Рис. А. КОКОРИНА

ГЛУПЫЕ И УМНЫЙ

Аварская сказка

Разные бывают люди: есть умные, есть и глупые. Послушай эту сказку и рассуди сам.

Однажды два брата решили построить водяную мельницу, чтобы она только на них работала, чтобы на виду у них стояла — недалеко от ворот. Да вот беда — нет поблизости речки. Впрочем, братья об этом и не подумали: приволокли жернова, соорудили четыре стены и крышей их покрывают.

А по дороге тем временем шёл путник. По обычаю ему следовало бы пожелать братьям удачи в работе, да видит он, что бесполезен их труд. И решил путник незаметно пройти мимо.

Вдруг братья окликнули его:

— Эй ты, тебе бы следовало повежливей быть с нами!

Как видишь, глупые братья были к тому же людьми весьма заносчивыми.

— Разве я не вежлив? — спросил путник.

— Почему же ты не пожелал нам удачи?

— А я пожелал! Только вы не услышали моего голоса из-за шума этой воды.

И пошёл себе путник дальше: чего с глупыми-то связываться.

ВОЛК И ДЯТЕЛ

Аварская сказка

Бежал волк по лесу, в зубах был у него баран. Вдруг раздался сильный стук, и зверь подумал, что это пастух. Испугался волк, выпустил барана и давай бежать, шкуру спасать свою. А стучал-то, оказывается, всего-навсего дятел.

И говорит волк дятлу:

— Стучишь, проклятый дятел, целыми днями, а плотником ты не сделался.

А дятел отвечает волку:

— А ты всю жизнь таскаешь баранов, но хозяином стада так и не стал.

ХВАСТУН

Татская сказка

Жил-был охотник в ауле Аглаби. Известно, что почти все охотники отличаются тем, что любят приукрасить свои рассказы, но наш герой из Аглаби был особенным хвастуном.

Вот он возвращается однажды к себе в аул и говорит:

— Всякое бывает на свете, но такого никто ещё не видел! Представьте себе, иду это я над краем бездонной пропасти и вижу огромного-преогромного зверя со страшными, острыми когтями. Ну, говорю себе, такие когти могут причинить много бед. И что же вы думаете? Подкрадываюсь к зверю и в один миг начисто остригаю когти!

Все качают головами и дивятся храбрости охотника. А один из крестьян говорит:

— Напрасно ты начал с когтей — видать, неопытный ещё охотник. Надо бы сначала голову отрубить зверю.

— Неправда,—сердится охотник,—опыта у меня немало, но разве я виноват, если кто-то уже успел отрубить ему голову!

О ХИТРОМ КОТЕ

Кумыкская сказка

Был однажды спор: кто сильнее?

А спорили между собой лёд, солнце, туча, земля, трава, баран, волк, пастух, мышь и кот.

Спорщики оказались разумными и скромными, чего, однако, не скажешь о коте. А почему — поймёшь сам.

Лёд говорит:

— Я очень крепок. Пожалуй, крепче камня. Но я слабее солнца: под его лучами я таю.

А солнце говорит:

— Во мне очень много силы, но подчас я не могу пробиться сквозь тучу.

Туче показалось, что она всех сильнее, да вспомнила, что превращается в дождевые капли и поглощает те капли земля.

А земля говорит:

— Туча права, но я прорастаю травой. Трава сильнее меня!

— Может, я и сильнее всех, — говорит со вздохом трава,— но меня безжалостно выщипывает баран.

Баран говорит:

— Что правда, то правда — люблю траву. Но вот беда: боюсь я волчьих зубов.

Волк говорит:

— Я сильнее барана, а пастух сильнее меня.

Пастух говорит:

— Я очень силён, но ничего не могу поделать с маленькой мышью. Она портит мой музыкальный инструмент, перегрызая струны, сделанные из бараньих жил.

Мышь говорит со вздохом:

— Сильнее меня кот.

Все обратились к коту и ждут, что он скажет, кто же окажется сильнее его. А кот говорит усмехаясь:

— Я всех сильнее. Зубы у меня, как железные, и холода я не боюсь — смотрите, какая на мне шуба.

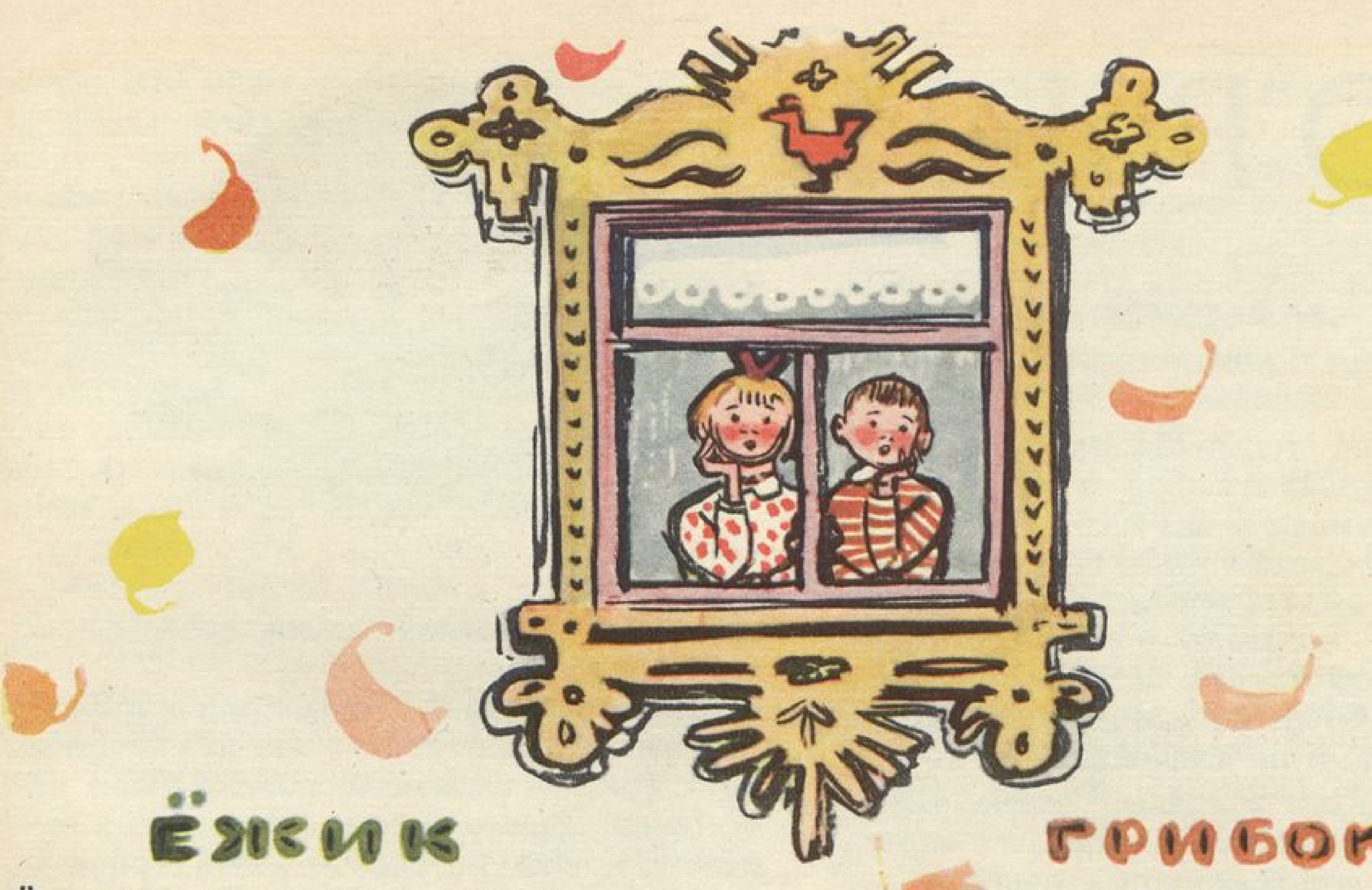
— А что ты делаешь в жару? — хором спросили его лёд, солнце, туча, земля, трава, баран, волк, пастух и мышь. — Разве ты сбрасываешь свою шубу?

— А зачем её сбрасывать? — отвечает кот. — В жаркую пору я сажусь на тахту, устланную ковром, и с удовольствием кручу свой собственный ус.

И как это ни странно, наглый кот оказался «сильнее всех».

Пересказал Г. Гулиа

ЁЖИК

Ёж крадется, выгнув спину,
Тянет ветку с виноградом.
Виноград как дождик хлынул,
Застучал весёлым градом.

Ёж раздумывал недолго:
Повалялся на дорожке,
Нанизал он на иголки
Виноградины-серёжки.

По холмам, по нивам сжатым
Ёж спешит к своим ежатам.
Он теперь такой нарядный,
Вроде кисти виноградной!

Перевела с грузинского
З. Александрова

МАРИДЖАН

ГРИБОК

Помаленьку,
Понемножку
Пробивал он путь-дорожку.
Много надобно труда,
Чтоб пробиться к свету.
До того земля тверда —
Аж силёнок нету!
Хорошо, что дождь пролился,
Гриб напился,
Подкрепился,
Вмиг пробился, стал у пня
И воскликнул:
— Вот и я!

А. МАСЛЕННИКОВА

ЛИСТОПАД

Вьётся в воздухе листва.
В жёлтых листьях вся Москва.

У окошка мы сидим
И глядим наружу.
Шепчут листья: «Улетим!»,
А ныряют в лужу.

Ю. КОРИНЕЦ

МОРЖИ

Дм. ВАЛЕНТЕЙ

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

Сентябрь на Чукотском полуострове — глубокая осень. В эту пору на Дальнем Севере люди думают о зимовке. Готовились к зиме и мы. Свежей рыбы было у нас достаточно. В выдолбленных в промёрзшей земле ямах — погребах — её было столько, что хватило бы и нам и нашим собакам не на один год. Степанов хотел припасти ещё и моржатины. Я не возражал.

Всё чаще дуют холодные ветры. Скоро сплошной белой полосой пойдут с севера льды. Затем они сомкнутся с прибрежным припаем в одно ледяное поле.

Моржи — предвестники пловучих льдов, холодов и туманов. Стадами перекочёвывают они на юг и, утомлённые далёкими переходами, ищут удобных мест на берегу — лежбищ для отдыха.

Мы были уверены, что и наши места посетит стадо «морских коров», как иногда называют моржей.

Однажды наш молодой помощник, опытный охотник Казак разбудил нас очень рано.

— Ходил к морю, однако, — сообщил он. — Сегодня-завтра будут. Надо итти.

Мы отправились к заветному месту и пришли во-время: моржи уже выбрались на берег и спали.

Самцы улеглись в стороне от воды: их огромные туши распластались подле каменных глыб. Большинство из них спали на животе, свесив набок маленькие клыкастые головы. Другие — на боку, обняв передними ластами соседа. Один огромный, но, видимо, молодой морж спал на спине, бивнями к небу, сложив ласты на груди. Все они громко храпели.

За моржами, ближе к воде, расположились моржихи. У одних прямые, ровные клыки упирались в землю, у других, лежащих на боку, — в затылок соседки. У самой воды расположились два годовалых моржонка: тоненькие клыки говорили об их возрасте.

Мы не собирались запасать моржатины больше, чем нам требовалось для зимовки. Трех, средней величины, моржей было достаточно. Одного моржа, лежавшего в стороне от других, мы решили взять гарпуном. Это предложение внёс Казак, отлично владевший оружием своих прадедов. Он подошел к моржу и с силой ударил гарпуном в голову зверя. Морж не успел крикнуть.

Среди моржей началось движение. Видимо, мы спугнули остальных животных. Берег скоро опустел, отстала лишь одна моржиха, как определили мы по небольшим, прямым бивням и удлинённому телу.

— Уходят, — сказал Казак.

— Тогда ещё одного. — И Степанов, подняв ружье, выстрелил. Моржиха взревела, но было ясно, что ранена она не смертельно.

Надо было добить зверя, но Казак вдруг схватил руками дула наших винтовок.

— Смотри!

К раненой моржихе скакали от морского берега два моржонка, подгибая слабые ещё ласты под заднюю часть тела. Её дети — это было ясно...

Чтобы добраться до моря, моржихе надо было переплыть небольшую лагуну, которая образовалась во время прилива. На мгновенье остановившись у края лагуны, она распластала ласты, легла грудью на воду и сразу погрузилась.

Моржата поджидали мать на другом краю лагуны, быстро и равномерно, подобно маятнику, размахивая клыкастыми мордочками.

Раненое животное долго не выходило из

воды. Это было странно. Моржи редко проводят под водой больше нескольких минут, но теперь прошло минут семь-восемь. Лагуна не могла быть очень глубокой, тем более для моржа: они часто выискивают донных моллюсков на глубине сорока-пятидесяти метров.

...Но вот вслед за бурлящей, красной от крови водой показалась голова моржихи. Она громко, с каким-то присвистом и криком, втягивала в себя воздух. Затем моржиха вновь погрузилась в воду.

— Зовёт на помощь, не может всплыть, — сказал Казак.

И тут на берег выползли два моржа. Опираясь на передние ласты, с задранными, ревущими мордами шли они к лагуне. В их рёве звучало грозное предостережение. Моржи видели нас, но теперь ничуть не боялись.

Вот они погрузились в лагуну, а через минуту-две мы опять увидели пенистый водоворот. Сначала показалась клыкастая голова моржихи, а вслед и жёлтобурые туловища моржей. Моржиха, поддерживаемая на поверхности самцами, громко вдыхала воздух. Затем она вновь вместе с моржами опустилась под воду. Так продолжалось несколько раз — раненая моржиха набиралась сил. Наконец она начала медленно подвигаться к берегу лагуны. Мы поняли: моржи тащили её на себе. С их помощью моржиха выбралась на сушу и, оставляя кровавый след, медленно поползла к морю. Рядом с ней, изгибая спины, скакали моржата.

Моржиха остановилась у воды, около неё барахтались детёныши. А стадо, в ожидании, плавало из стороны в сторону...

Наконец раненая моржиха, в сопровождении детёнышей, бросилась в воду, разбрызгивая её мощными ластами. Следом сошли и моржи. Они вновь поддерживали её на воде с двух сторон. Стадо окружило их...

— Туда-а, — протяжно сказал Казак, показывая на большую льдину, почти невидимую в наступивших сумерках.

Рис. В. АНДРИЕВИЧА

Весёлый

Дроздёнок и рябина

М. МАЛИШЕВСКИЙ

Сидит на рябине Дроздёнок. Давно сидит.
Его за рябиновой гроздью и не видно.
И говорит Дрозду:
— Видишь рябину?
— Вижу.
— Моя рябина!
— Ну что ж, что твоя?
Опять сидит, сидит. Долго сидит.
— И на всём дереве есть рябина!
— Ну что ж, что на дереве?
— Тоже моя!
Опять сидит, сидит.
— И во всём лесу есть рябина!
— Ну что ж, что в лесу?
— Тоже моя!
Опять сидит, сидит.
— И на всём свете есть рябина!
— Ну что же, что на всём свете?
— Тоже моя!
Опять сидит, сидит.
— Дядя Дрозд! Дай рябины! Я клевать не умею!

ШВЕЯ

— Шьёшь, девочка?
— Шью!
— А пороть скоро будешь?
— Вот только ниточку дошью!

Из украинского юмора

Дорогие ребята!

Разгружен почтовый вагон «Весёлого поезда». На этот раз писем особенно много. И во всех написано: «Самый лучший месяц — август, а сказка называется «Царевна-лягушка». Эти письма — ответы на ребус и картинку-загадку из восьмого номера «Мурзилки».

Все ответы правильные.

Ответы прислали: Вера Буркова из МТС, находящейся в Кировской области, Павлик Мавосян из Еревана, Валерик Сомов из города Нижний Тагил, Моргуновский Саша из Харькова, и многие, многие другие.

ХВОСТ

Алик съел своё печенье, на котором была нарисована корова. А теперь просит у Вики:

— Вика, будь добренькой, дай мне твоё печенье.

— Зачем? — спросила Вика.

— Хочу срисовать твою коровку на бумагу, — говорит Алик.

Вика немножко подумала и дала ему своё печенье. Корову Алик нарисовал. А вот хвост ей приделал заячий. Потому что, пока рисовал, отгрыз коровий хвост и забыл, какой он.

Вот какой нетерпеливый Алик!

А. СЕДУГИН

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВ

Я послал на базар чудаков,
Дал чудакам пятаков:
Один пятак на кушак,
Другой пятак на колпак,
А третий пятак
так.

По пути на базар чудаки
Перепутали все пятаки:

Который пятак на кушак,
Который пятак на колпак,
А который пятак
так?

Только ночью пришли чудаки,
Принесли мне назад пятаки.
«Извините, но с нами беда —
Мы забыли который куда:

Который пятак на кушак,
Который пятак на колпак,
А который пятак
так?»

ЗАГАДКИ

Я пыхчу,
пыхчу,
пыхчу —
Больше греться
не хочу!»
Крышка громко зазвенела:
«Пейте чай!
Вода вскипела!»

У конька, у горбунка
Деревянные бока.
Как зажмёшь его в руке,
Заскользит он по доске.
У него из-под копыт
Стружка белая летит.

И остра,
И быстра,
Выйдя в лес,
Поёт с утра.
У неё стальные зубы,
С нею дружат лесорубы.

ПОЧЕМУ ОСЁЛ РЕВЁТ

ДЖАННИ РОДАРИ

Перевёл с итальянского Л. Вершинин

В давние времена осёл, как рассказывает сказка, пел получше тенора.

Однажды собрались все звери на совет, и лев, который был у них царём, спросил:

— Кто из вас самый красивый?

— Я, йя! — сразу же закричал осёл.

— Хорошо, ты самый красивый. А кто же самый сильный?

— Я, йя! — закричал осёл, раньше чем остальные звери успели раскрыть рты.

— Ладно, — сказал лев, — а кто здесь самый глупый?

— Я, йя, йя! — второпях заревел осёл, испугавшись, как бы его не опередили.

Все звери так и покатились со смеху, а бедняга осёл со стыда потерял свой красивый голос.

С тех пор он только и умеет реветь:

— Я, йя, йя!

Учись рисовать

(Шутка)

Перевёл с английского Ю. Поляков

Жил да был на свете старик,
И была у него жена.

• •

В круглом домике на двоих
Жили он и она.

Как-то старик поругался с женой,
Стенку возвёл от жены.

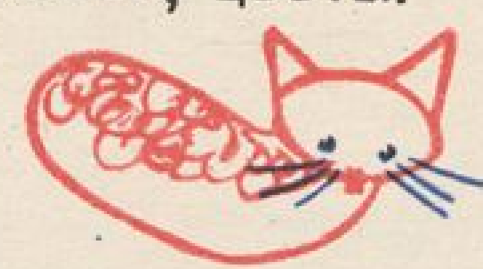
Раньше им печки хватало одной, —
Теперь уже две нужны.

Но помирились, и снова в лад
Зажили он и она, —
Шторы на окнах у них висят
И дверь, как прежде, одна.

Весной они посадили сад,
В саду — деревья, цветы.

Два стройных сторожа сторожат
Смородины спелой кусты,

А на осень копают цветник
Два кривых горбуна.

Так вот и жили вдвоём старик
И его седая жена.

Конец рассказика очень прост,
Каждый его поймёт:

Пририсуй, пожалуйста.....
И получится ..!

На обложке рисунок Е. Рачёва *Макет Ф. Лемкуля*

Художественный редактор О. Камкин *Рукописи не возвращаются* *Технический редактор* *А. Бодров*

Год издания тридцать второй **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Подп. к печати 31/VIII 1956 г. Бумага $60 \times 92^1/_8$=1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8 Тираж 1 000 000 экз. Заказ 1904

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21.

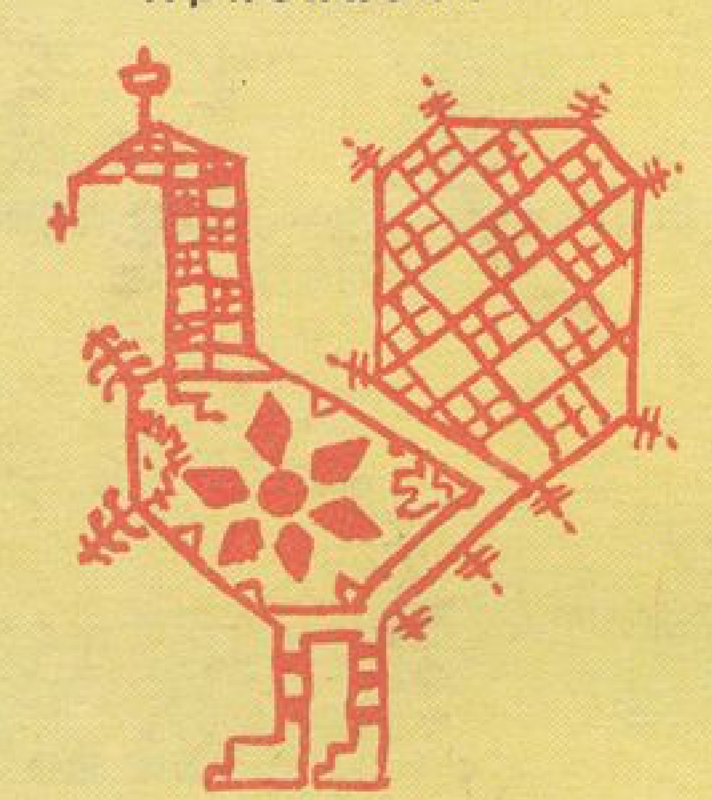

ПЕТУШОК—ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕШОК

Присказки

— Ку-ку-реку, петушок,
Золотой гребешок,
Ты далёко летал?
— От моря-моря
До чистого поля.

За морями, за горами,
За дремучими лесами —
Там стоит теремок,
На дверях висит замок.

За стеклянными дверями
Стоит Петя с пирогами.
Петя, миленький дружок,
Сколько стоит пирожок?

— Куколка, а куколка,
Что ты долго не была?
— Я боялась петуха.
Петуховы дети
Ехали в карете.
Шум, гром под окном —
И карета кувырком!

ЗАГАДКИ

Каким гребешком не чешутся?

Не ездок, а со шпорами;
Не сторож, а будит.

Сидел на заборе —
Кричал;
А как все собрались,
Замолчал.

